

ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ НОВОГО В НАУЧНОМ ЗНАНИИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТПОЗИТИВИЗМА

А. Ю. Сидельников

Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье на примере рассмотрения концепций трёх крупнейших представителей философии постпозитивизма — Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса — показано какие трудности невозможно преодолеть в рамках постпозитивизма, чтобы объяснить процесс возникновения качественно нового научного знания. Делается вывод о том, что основной причиной этих трудностей является излишне формальная трактовка категории «новое», которая в свою очередь позволяет также заключить о неполном отказе философии постпозитивизма во взглядах на процесс развития научного знания от идеалов неопозитивизма.

Ключевые слова: постпозитивизм, категория.

Abstract: The article analyzes conceptions of three distinguished representatives of the postpositivism — T. Kun, K. Popper, I. Lakatos; shows what difficulties are impossible to overcome in the context of postpositivism to explain the process of the appearance of the sufficiently new scientific knowledge. The main reason for such difficulties is an exceedingly formal interpretation of the category «the new», which, in its turn, allows thinking that the philosophy of postpositivism partially rejects the ideals of neopositivism regarding the views on the process of development of the scientific knowledge.

Key words: postpositivism, category.

Период доминирования идей позитивизма во взглядах на развитие научного знания закончился их саморазрушением [1] и подвёл тем самым важные итоги, касающиеся исследуемой нами проблемы. Так, стала очевидной невозможность адекватного рассмотрения науки вне её связи с культурной деятельностью человека. Намеренье представителей логического позитивизма ограничить научное знание рамками «протокольных предложений» оказалось недостаточным. Выяснилось, что отрицание «чистой» теории — к чему так стремился неопозитивизм — в форме метафизики или вообще философских концепций с необходимостью ведёт к отрицанию «чистого» опыта. Из чего последовал вывод о «теоретической нагруженности» любых фактов. Следовательно, развитие научного знания нельзя уже было свести только к процессу его кумулятивного роста, требовалось исследовать в нём и качественные скачки.

Т. Кун является одним из первых, кто поставил перед собой цель реализовать такое исследование. Намереваясь объяснить динамику научного знания, Кун вводит понятие «парадигмы». Не дав, однако, строгого определения «парадигмы» в своём главном произведении «Структура научных революций», Кун пытался его уточнять в более поздних к ней приложениях. В них он определяет парадигму

как «дисциплинарную матрицу», состоящую из трёх компонент: 1) фундаментальной теории в лице базисных принципов и законов (например, законов Ньютона в ньютоновской парадигме), 2) онтологической интерпретации этих законов и их моделей, 3) образцов решения проблем и задач. И всё же, как отмечает Б.Я. Пахомов, «содержание «парадигмы» и ее место в системе научного знания не были раскрыты Куном достаточно конкретно. Привыкшие к канонам педантичного формально-логического анализа языка науки представители западной философии науки насчитали у Куна около семидесяти различных вариантов употребления термина «парадигма» в разных контекстах, что, несомненно, свидетельствует о весьма расплывчатом его понимании самим автором» [7]. Тем не менее, не смотря на неполную определённости понятия парадигмы, оно позволяет Куну по-новому подойти к изучению генезиса научного знания. Например, проблематичность, ставшей своего рода камнем преткновения, идеи кумулятивного роста научного знания, Куну удаётся объяснить тем обстоятельством, что она справедлива для науки не на всём протяжении её реальной истории. Она применима и может считаться истинной только для одного из её обусловленных циклическим характером смены парадигм периода так называемой «нормальной науки». Именно в этот период, считает Кун, какая-либо из парадигм реализуется в полном объёме

своих значений: задавая определённое виденье мира учёным, она ограничивает их деятельность рамками той или иной существенной только для себя традиции в объяснении самых различных частей реальности. За счёт своей парадигмальной предпосылочности интерпретация разного рода фактов обретает унифицирующее значение, создавая тем самым подобие их непрерывного и последовательного накопления, то есть кумулятивного роста. Это подобие достигается за счёт того, что «... нормальная наука не ставит своей целью нахождение нового факта или теории, и успех в нормальном научном исследовании состоит вовсе не в этом» [3, 83]. Успех же в «нормальной науке» заключается в том, чтобы решать характерные только для её периода проблемы и задачи, которые Кун называет «головоломками» за то, что они не обладают никакой эвристической ценностью. «Головоломки» решаются учёными только с целью уточнения парадигмы посредством реализации её алгоритмизированных образцов своих решений.

Однако мы не ошиблись, назвав накопление знаний в «нормальной науке» лишь подобием их кумулятивного роста, так как одновременно с ними накапливаются и проблемы, названные Куном «аномалиями». Через «аномалии» в господствующую парадигму врывается новое знание, что приводит к кризису «нормальной науки» — периоду «экстраординарной науки», а в конечном итоге к смене самой парадигмы как результату свершения «научной революции». То есть под аномалиями Кун подразумевает факты действительно нового знания, те проблемы и задачи, которые не удаётся решить с помощью стандартного набора решений «нормальной науки». Следовательно, как раз под видом «аномалий» учёный, согласно Куну, сталкивается с проблемой теоретического выражения нового в научном знании. И здесь у Куна обнаруживается большая непоследовательность в его попытках найти решение данной проблемы. Так, например он пишет: «открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Это приводит затем к более или менее расширенному исследованию области аномалии» [3, 84]. В свою очередь расширенное исследование аномалий способствует приспособлению парадигмальной теории к новым обстоятельствам таким образом, что аномалии сами становятся ожидаемыми, а учёный научается видеть природу в ином свете. Однако возникает вопрос: как

вообще возможно обнаружить какие-либо природные отклонения от установок, диктуемых парадигмой учёному, если сама природа не дана ему непосредственно, а только в преломлении через концептуальную призму парадигмы? Кун не даёт прямого ответа. Но если постараться извлечь ответ из контекста его произведений, то он, вероятно, будет следующим: нарушения природой ожиданий познающего субъекта, подготовленные у него парадигмой, сознательно и теоретически могут быть зафиксированы только посредством другой парадигмы, сменяющей данную в историческом процессе развития научного знания. И таким образом мысль Куна попадает в порочный круг: причиной смены парадигм являются аномалии, которые в свою очередь возможны только как её следствия. Это позволяет сравнить функцию понятия «парадигмы» в концепции Куна с той, которую выполняло понятие «чётно-нечётного числа», понимаемого под единицей, в математической программе пифагорейцев. Подобно тому, как Пифагор с его учениками, прибавляя единицу к любому нечётному числу, получал чётное, а, прибавляя её ко всякому чётному числу, неизменным результатом имел нечётное, Кун совершает аналогичные операции с понятиями «парадигмы», «аномалии» и «головоломки», взятых вместо единицы, нечётного и чётного чисел, соответственно. В самом деле, Кун утверждает как то, что «чем более точна и развита парадигма (то есть организована «нормальная наука» с её «проблемами-головоломками». — А. С.), тем более чувствительным индикатором она выступает для обнаружения аномалии...», так и то, что «... к изменению парадигмы (а, следовательно, к её замене последующей с новой «нормальной наукой». — А. С.) приведут только аномалии...» [3, 98]. Но если, рассматриваемые по отдельности, переход научной теории от периода «нормальной науки» к периоду её кризиса и переход обратный данному в большей или меньшей степени ещё поддаются их рациональному осмыслению, то уже исследуемые вместе как один тотальный процесс смены парадигм, обретают иррациональные черты и форму, делаясь практически не доступными для ясного понимания. Кун стремится преодолеть возникающий иррационализм, объясняя смену парадигм изменениями в психологии «научного сообщества», представляющими собой нечто вроде переключения «гештальта» в сознании составляющих его членов. Но стремление придать рациональную форму своей теории введением в неё аргументов, апеллирующих к психологической

тематике, не приводит Куна к успеху. Именно поэтому иррациональность перехода от одной парадигмы к другой привлекла к себе наибольшее внимание различных авторов [см., напр.: 2, 174; 6; 8; 12, 187], однако их оценки попыток Куна избежать её привлечением социально-психологических интерпретаций научного творчества различны.

Б.С. Грязнов, например, критикует Куна в данном пункте за то, что у него «...вопрос о смене парадигм и вопрос о мотивах принятия новой парадигмы оказываются не связанными со свойствами самой парадигмы» [2, 177]. Видя причину победы над старой парадигмой новой не в рациональных её обоснованиях и доказательствах учёных, а только в изменении их собственных убеждений, Кун тем самым, согласно Грязнову, несправедливо отказывает учёным в способности методического или методологического сомнения. Сомнение у Куна не выполняет функции конструктивной критики и играет лишь негативную роль, разрушая имеющееся знание. «Сомнение, — пишет Грязнов, оценивая значение в теории Куна, — это порча, грех науки» [2, 175]. Лишение Куном научного сообщества полноценного института критики обуславливает невозможность сознательного обмена теоретическим знанием между приверженцами различных парадигм, делая тем самым бессмысленной идею прогресса в истории науки. Это последнее обстоятельство сближает, по мнению Грязнова, концепцию Куна с доктриной замкнутых культур О. Шпенглера. И хотя идея отрицания прогресса у Шпенглера более сильная, чем у Куна, так как справедлива не только для истории науки, но и для любой культуры и даже истории всего человечества, это не мешает выделить общий циклический характер, присущий культурам Шпенглера и парадигмам Куна при прохождении ими имманентных себе стадий развития.

Отличную от Грязнова оценку концепции Куна даёт В.С. Шмаков. Он отмечает, что «использованием понятия научного сообщества Кун вводит человеческий фактор в науку, придавая последней исторический характер. Теперь наука, — продолжает Шмаков, — предстаёт не совокупностью экспериментальных утверждений, объединяемых логическими соотношениями (как это предполагали неопозитивисты), а целым рядом сложнейших явлений, которым присуща та же степень уникальности, как и историческим событиям» [12, 137]. С этим трудно не согласиться. Действительно, ведь человеческий фактор в науке вносит в изучение явлений целенаправленность, неопределённость и другие аспекты, при-

сущие гуманитарным наукам. Однако обратим здесь внимание на то, что Шмаков из посылок, общих ему с Грязновым, делает заключения противоположные заключениям последнего. Так, если из того факта, что Кун стремится учитывать человеческий фактор в исследовании процесса развития научного знания Грязнов производит утверждение об аисторичности его концепции, отрицающей прогресс в науке, то Шмаков, напротив, заключает о придании ей Куном как раз исторического характера. Но возникающее таким образом противоречие между выводами авторов не является результатом ошибки кого-либо одного из них. Оно образуется вследствие того, что каждый автор уделяет большее внимание только одной из логических тенденций куновской интерпретации процесса развития научного знания. То есть Грязнов и Шмаков противоположностью своих утверждений лишь эксплицируют противоречие, имплицитно содержащееся в теоретической схеме Куна и представляющее собой главный её недостаток.

Причина этого противоречия, по нашему мнению, заключается в том, что теоретическая конструкция Куна, построенная им с целью объяснения именно качественной стороны процесса развития научного знания и обречённая тем самым на поиск решения проблемы теоретического выражения в нём нового, не справляется как раз с порождаемой объективным содержанием последней категории сложнейшей диалектикой исторического и логического в генезисе научной мысли. Поэтому, не подвергаясь необходимому всестороннему и конкретному рассмотрению, категория «новое» в концепции Куна не получает самостоятельного онтологического статуса и используется преимущественно для передачи значений и смыслов, выражающих какие-либо изменения в сфере гносеологии. Именно категория «новое» вносит иррациональность в концепцию Куна. Возникновение новых фактов и теорий, провоцируя смену одной парадигмы другой, остаётся чем-то принципиально невыразимым в каждой из них. Так, в сменяемой парадигме новое знание воспринимается только под видом «аномалии», а в сменяющей — в форме «головомломки». Рассмотрения реальной противоречивости единого понятия «новое» Кун пытается избежать разделением его на два самостоятельных и более поддающихся формализации понятия «головомломки» и «аномалии». Однако искусственность этого разделения не позволяет теоретической конструкции Куна скрыть противоречия полностью и потому оно с необходимостью воспроизводится уже в самом понятии «парадигмы», многозначность

и неопределённость которого, отмеченные нами ранее, подтверждают это. Следовательно, можно заключить, что Куна удаётся только поставить проблему теоретического выражения нового в научном знании, но не решить во всей её сложности и полноте. То решение, которое она у него получает, обладает в высшей степени абстрактной формой. Так, если принять точку зрения Куна, то всякий раз, когда в истории науки происходит становление действительно новой теории, описывающей впервые открываемые ею те или иные факты, мы будем вынуждены вместо конкретного рассмотрения данной теории ограничиться абстрактно-общей констатацией очередной смены парадигм. Отсюда становится понятной и та критика, которой подверглась концепция Куна со стороны К. Поппера и И. Лакатоса. Но чтобы понять насколько она была справедливой и обоснованной, обратимся к анализу их собственных взглядов на ту же проблему.

Точка зрения Лакатоса на возникновение нового в научном знании и трудность его теоретического выражения во многом совпадает с попперовской. Являясь учеником Поппера и разрабатывая его идеи по данному вопросу, Лакатос тем не менее смог их творчески доразвить до собственной авторской концепции. Поппер в свою очередь, соотнеся с выводами следующими из концепции Лакатоса свою теоретическую позицию, несколько скорректировал её. Поэтому рассмотрим сначала взгляды Поппера, так как они оказываются общими для обоих авторов, а затем теорию Лакатоса, являющуюся лишь их оригинальной модификацией.

Анализируя процесс развития научного знания, Поппер строит его модель, используя для этого эволюционистские идеи неodarвинизма. В этой модели как наука в целом, так и отдельные её компоненты сравниваются Поппером с живыми организмами на том основании, что как и эти последние научное знание с составляющими его гипотезами и теориями претерпевают необходимость постоянно решать встающие перед ними различного рода проблемы. Понимая истину в научном познании только в качестве регулятивной идеи, Поппер вводит понятие «правдоподобность». С точки зрения Поппера, никакая научная теория не обладает истиной, но лишь той или иной степенью правдоподобности. Поэтому истиной как таковой в науке обладать нельзя, можно только, руководствуясь стремлением к её достижению как идеалом, добиваться всё большей степени правдоподобности наших теорий, решая с их помощью проблемы методом проб и ошибок. Схематически Поппер представляет это так:

$$P1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P2,$$

где P1 — исходная проблема, TT — предположительное решение (теория), EE — процедура элиминации ошибок и P2 — новая проблема. Но для решения проблемы P1, как правило, создаётся не одна, а несколько теорий, и схема тогда выглядит иначе:

$$\begin{array}{c} \rightarrow TT1 \text{ ---} \\ | \quad \quad | \downarrow \\ P1 \rightarrow TT2 \rightarrow EE \rightarrow P2. \\ | \quad \cdot \quad \cdot \quad | \uparrow \\ \rightarrow TTn \text{ ---} \end{array}$$

Развивая учение о «трёх мирах», — мире физических объектов или состояний, мире мыслительных (ментальных) состояний и мире «объективного содержания сознания», — Поппер отмечает, что его схема решения проблем справедливо может применяться внутри каждого из миров. Таким образом, научное знание, состоящее из идей, гипотез и теорий, то есть элементов третьего из указанных миров, способно развиваться (точнее эволюционировать) только в полном соответствии со схемой «предположений и опровержений», как её ещё называет Поппер. «Наука, — пишет Поппер, — начинается с проблем (а не с наблюдений и даже не с теорий, хотя, бесспорно, «фон» проблем всегда включает теории и мифы)» [11, 177]. Но наука, по Попперу, и заканчивается всегда проблемами, добавим мы к сказанному. Поэтому, хотя Поппер и пытается утверждать, что посредством описания возникновения новых проблем можно косвенно описать и получение новых решений или теорий [11, 274], всё же вынужден прямо признать невозможность логического выражения происхождение нового научного знания с помощью разрабатываемой им методологии. Так, Поппер пишет: «Вопрос о путях, по которым новая идея — будь то музыкальная тема, драматургический конфликт или научная теория — приходит человеку, может представлять интерес для эмпирической психологии, но он совершенно не относится к логическому анализу научного знания» [9].

Таким образом, переход в схеме от P1 к TT оказывается никак не объяснённым, то есть не находится теории для объяснения P1 → TT. Но Поппер убеждает, что в этом как раз заключается не недостаток, а преимущество метода проб и ошибок. Именно отсутствие жёсткой однозначной определённости связи исходной проблемы с её пробным решением позволяет в качестве такового выдвигать неограниченное число гипотез и теорий, при чём самого «смелого» и «рискованного» содержания. Опасность же проникновения в науку с таким слу-

чайным и хаотическим подбором (точнее отбором) теорий псевдонаучного знания предупреждается, по Попперу, критической способностью научного сообщества: любую гипотезу (ТТ) можно подвергнуть «фальсификации» (ЕЕ), то есть опытному и теоретическому испытанию, позволяющему отбросить ошибочную. В итоге научное знание не развивается, а эволюционирует от проблемы к проблеме, а теория обретает статус лишь эпизода в этой «перманентной революции» проблем.

Куна критикует Поппер как раз за то, что под «научной революцией» он понимает только конкретные периоды в истории науки, при чём в которые наука не соответствует своему понятию. А признать вместе с Куном, что наука как таковая есть деятельность «нормальных» учёных по решению «головоломок», значит отрицать, по мнению Поппера, её рациональность. Поэтому, если исследователь, работающий в ограниченном теоретическом пространстве, заданном ему парадигмой, и оказывающийся неспособным выйти за его пределы, является для Куна настоящим учёным, то для Поппера, всего лишь заложником господствующей догмы [см.: 10]. Ведь в действительности, утверждает Поппер, в науке за счёт присутствующего в ней критического отношения к любым теориям и фактам, которое как раз составляет её отличительную специфику от всех других форм духовной деятельности, только и возможно преодоление самых различных ограничений научного знания. Обвиняя Куна в психологизации научного творчества, Поппер говорит о необходимости описания («эпистемологии») научного знания вообще без его субъекта. Это достижимо якобы благодаря тому, что научное знание составляет содержание «третьего мира», который автономен и относительно не зависит от двух других миров. Но здесь, по нашему мнению, Поппер насколько прав в претензиях, предъявляемых Куну, настолько же не обоснованно упрощает себе задачу в объяснении возникновения если не и не новых идей и теорий, то хотя бы новых проблем, пробными решениями которых эти теории являются. В самом деле, легко, отнеся все субъективные основания научного знания к постулируемому «второму миру» ментальных состояний, говорить о появлении новых проблем как о непреднамеренных и случайных последствиях решений исходных проблем. Однако даже в этом случае категория «новое» оказывается роковой и для Поппера, не поддаваясь окончательной формализации, к которой он в отношении неё так, подобно Куну, стремится. Тем не менее, надо признать,

что в отличие от Куна, Поппер создаёт более уточнённую методологию эволюции научного знания, с помощью которой надеется избежать всех противоречий, связанных с использованием категории «новое». Достижение последнего осложняется ещё и тем, что «новое» используется Поппером не только в качестве гносеологического понятия, как у Куна, но получает также и онтологическое значение по причине распространения им эволюционистских представлений как на историю научных теорий, так и на историю их конкретных объектов. В этой связи Попперу приходится бороться с противоречием, заключённым в понятии «новое», уже и на предметном, а не только логическом уровне. Отчасти именно этим, на наш взгляд, обусловлено постулирование Поппером вместо одного «трёх миров». Что позволяет ему, например, перепоручить объяснение возникновения новых идей и теорий эмпирической психологии, имеющей своим действительным предметом различные духовные состояния человека (составляющие содержание «второго мира»), и объявлять вместе с тем, что сами какие бы то ни были теории и идеи являются главными объектами «третьего мира». Чем достигается рассмотрение категории «новое» в двух разных отношениях: в отношении «третьего мира», где она логически не познаваема, и в отношении «второго мира», где она является уже характеристикой психических состояний, а не научной теории.

Не так просто удаётся обойтись с категорией «новое» на уровне проблем, так как схема их решения, будучи в равной мере применима для каждого «мира», обеспечивает тем самым определённую степень изоморфности структурам всех «миров». Поэтому «новое» здесь приходится рассматривать в одном и том же отношении — как качество какой-либо одной единственной проблемы. Вследствие чего встаёт неудобный для Поппера вопрос о критерии отличия новой проблемы от её собственной противоположности — «старой», или исходной проблемы. Другими словами, требуется показать с какого момента мы имеем дело не с исходной, а с возникающей из неё или посредством неё новой проблемой. И поскольку данный вопрос не разрешим для Поппера, ему приходится его переводить в более общий и потому более абстрактный вопрос: «Как можем мы понять научную проблему и углубить наше понимание её?» [10]. Но даже в столь пространной формулировке Попперу не удаётся его решить, не прибегая к введению новых постулатов. Ведь, отождествляя в этом вопросе новую проблему с «загадочным» «углублени-

ем понимания», Поппер вынужден выдвигать требование выделить из всего множества проблем особенный класс «метапроблем», состоящий из «проблем понимания» [11, 168—179], являющееся ничем иным как очередным постулатом, подобным постулату о «трёх мирах». Использование этого ещё одного постулата Попперу удаётся по сути редуцировать качественное понимание проблемы к простой количественной операции возведения в степень, так как «метапроблема», или «проблема понимания», представляет собой ничто иное как всего лишь «проблему проблемы» [11, 168].

Итак, говоря о «проблемах понимания» как особенных, Поппер считает их составляющими более высокий по отношению к проблемам схемы уровень «метепроблем» [см.: 11, 174]. Своими решениями «метапроблемы» имеют «метатеории», которые, как утверждает Поппер, и позволяют отличить новые проблемы от исходных. Но как раз в этих рассуждениях у Поппера, по нашему мнению, при решении им в своей концепции проблемы теоретического выражения нового в научном знании допускается аналогичная Куновской ошибка *circulus vitiosus*. В само деле, отказываясь от выражения возникновения нового в научном знании на уровне теорий, Поппер признаёт возможность осуществить это на уровне проблем, однако для чего сами эти последние должны быть взяты как решения «проблем понимания» из специально для этого постулируемого класса «метапроблем», то есть как «метатеории», которые не смотря на то, что они «мета-теории», всё же могут рассматриваться как теории (которым априори как раз было отказано в способности выразить возникновение нового научного знания), на том основании, что вместе с ними составляют единую структуру одного и того же «третьего мира». Но даже если Поппер, попытался бы разорвать этот порочный круг, запретив, например, отождествлять теории и метатеории, не взирая на общую им принадлежность к одному и тому же «третьему миру», то проблема теоретического выражения нового в научном знании потребовала бы от него своего разрешения уже в форме необходимости объяснить каким образом происходит переход от одной метатеории к другой, позволивший бы тем самым различать, где исследователь имеет дело только с исходной, а где уже и с новой проблемой. И тогда Попперу, видимо, пришлось бы дополнять «метапроблемы» «мета-метапроблемами», которые в свою очередь дополнять «мета-мета-метапроблемами» и т. д., и т. д. Поэтому здесь справедливо, с нашей точки зрения, сделать следу-

ющий вывод: сколько не увеличивай число дополнительно вводимых уровней проблем и теорий, при том общем формальном подходе, развитом в концепции Поппера, к решению проблемы теоретического выражения нового в научном знании решить её не удастся точно так же, как не удастся её решить Попперу при помощи только одного дополнительного уровня «метапроблем».

Проанализируем теперь кратко взгляды Лакатоса на проблему теоретического выражения нового в научном знании. Прежде всего, отметим, что самого Лакатоса, в отличие от Куна и Поппера, данная проблема встаёт как проблема «рациональной реконструкции истории науки». Для решения её Лакатос создаёт свою концепцию «научно-исследовательских программ». «Научно-исследовательской программой (НИП), Лакатос называет группу теорий, структура которых состоит из «жёсткого ядра», «защитного пояса» и системы методологических правил, часть которых — «это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть — это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [6, 322]. Лакатос указывает, что «положительная» и «отрицательная эвристики» дают вместе примерное определение «концептуального каркаса», который представляет собой некоторый язык науки. И в этом смысле история науки как смена НИП есть история «концептуальных каркасов» или языков науки [см.: 5, 401]. Критикуя в своей концепции НИП интерпретации развития научного знания как Куна, так и Поппера, Лакатос тем самым определённым образом связывает их. Удаётся ему это только из-за того, что сами теории Поппера и Куна находятся далеко не в нейтральных взаимоотношениях, но каждая из них занимает оппозицию относительно другой. Точкой их противостояния является, отмеченное нами, различное понимание Поппером и Куном того, что представляет собой процесс возникновения нового в научном знании. Оригинальность же Лакатоса заключается в том, что, отрицая понимание каждого из них как крайности, он точку их противостояния делает точкой согласования. Для чего Лакатосу в его концепции НИП приходится отказаться от формализации категории «новое». И этого он добивается посредством радикализации попперского принципа выдвижения смелых и рискованных теорий. Если у Поппера «смелость» подобных теорий объяснялась лишь плодотворным воздействием присутствующих в них идей метафизического характера на эволюцию научного знания, то у Лакатоса их «ме-

тафизика» признаётся уже частью самой науки [см.: 4, 472]. На уровне этой «метафизики», представляющей собой «жёсткое ядро» НИП (то есть совокупность утверждений, которые в рамках данной НИП принимаются как неопровержимые), происходит непрерывное становление нового знания в форме различных предположений, призванных в конечном счёте выработать «положительную эвристику» для «прогрессивного сдвига проблем» НИП. Когда НИП оказывается неспособной обеспечить «положительную эвристику», то она сменяется той НИП, которая сможет её обеспечить. Здесь явно прослеживается преемственность НИП Лакатоса с парадигмами Куна. Но сходство НИП с парадигмами лишь внешне и поверхностно, а, вот, их различие существенно. В противоположность парадигмам НИП не только не иррационализируют историю научного знания, но единственно только и делают возможной, по мнению Лакатоса, её «рациональную реконструкцию». Однако «рациональная реконструкция науки (в том смысле, в котором я употребляю этот термин), — предостерегает Лакатос, — не может быть исчерпывающей в силу того, что люди не являются *полностью* рациональными существами, и даже тогда, когда они действуют рационально, они могут иметь ложные теории относительно собственных рациональных действий» [4, 483—488]. Эта мысль Лакатоса представляется нам крайне важной, так как многое проясняет как в его собственных взглядах, так и взглядах Поппера и Куна, касающихся проблемы теоретического выражения нового в научном знании.

Действительно, и Кун, и Поппер своими идеями о «гештальт-переключении» в сознании научного сообщества и о «втором мире» ментальных состояний также фиксируют связь данной проблемы с действием в науке человеческого фактора. Но каждый из них, указав эту связь, отказывает ей в логическом анализе по разным, правда, причинам: Кун, ссылаясь на то, что любой логический анализ сам является только частью социально-психологической стихии, иррационально (то есть абсурдно, если перевести на язык логики) властвующей в парадигмах, поэтому нельзя быть уверенным, что, произведя анализ различных явлений, мы используем один и тот же метод; Поппер, напротив, проведя непреходимую границу между «третьим миром» критически (или аналитически) добытого логического знания и «вторым миром» человеческой субъективности так, что «второй мир» оказывается логически непроницаемым для «третьего мира».

Иначе поступает Лакатос, когда говорит, что эти точки зрения Поппера и Куна нужно рассматривать как необходимо дополняющие друг друга. Логическое и иррациональное в истории науки, по Лакатосу, сосуществуют таким образом, что и иррациональное не растворяет в себе логического, и логическое вполне пригодно для обнаружения и интерпретации роли иррационального в становлении научных теорий. Логика, или рациональность, как утверждает Лакатос, реконструируется с помощью «внутренней истории» научного знания, а его иррациональные для «внутренней истории» элементы позволяют реконструировать «внешнюю историю». Поэтому наука как смена НИП не только способна к анализу различных «аномалий» (нового знания), но по определению этим и занимается. Более того, согласно Лакатосу, любая НИП имеет своей основной задачей отыскивание «аномалий», являющихся контрпримерами её теорий, и превращение их в «подкрепляющие примеры» этих теорий, реализуя тем самым «положительную эвристику». Таким образом, нахождение и выражение нового в научном знании является, по мнению Лакатоса, не проблемой, а нормой для науки, её существенным определением. Но если выражение нового знания не представляет трудностей внутри какой-либо отдельно взятой НИП, то возникает вопрос о причинах вызывающих смену одной НИП другой и вообще о необходимости такой смены. И этот вопрос оказывается неразрешимым в методологии НИП Лакатоса средствами только этой методологии. Поэтому Лакатос вынужден искать хотя бы внешнего оправдания своей концепции. Таковым, на наш взгляд, можно считать его утверждения о том, что побеждает «лучшая» или «прогрессивная» НИП. Но трудность в том, что «лучшая» НИП считается таковой только по признанию какой-либо иной, сменяемой ею программы, в качестве «худшей». И поскольку в примерах Лакатоса конкурируют всегда только две программы, то признание одной из них «лучшей», а другой — «худшей» происходит одновременно, что позволяет так или иначе саму «худшую» программу определять через «лучшую». Но тем самым, сознавая того или нет, Лакатос также как Кун и Поппер допускает в своей концепции, хотя и в модифицированной форме, ошибку порочного круга, не позволяющей ему как последним решить проблему теоретического выражения нового в научном знании.

Подводя итог анализа концепций этих трёх крупных представителей постпозитивизма, мы думаем, что те сделанные нами выводы о причинах

препятствующих решению проблемы теоретического выражения нового в научном знании у каждого из данных авторов позволяют нам заключить, что эти причины имеют одну и ту же общую им природу. Эта последняя, состоящая в стремлении к излишней формализации процесса развития научного знания, даёт возможность, по нашему мнению, сделать вывод о том, что философия постпозитивизма в целом не отказалась полностью от идеалов неопозитивизма во взглядах на становление научной теории. Поэтому и решение исследуемой нами проблемы в рамках философии постпозитивизма заканчивается обнаружением в её содержании порочного круга, так как это, пожалуй, единственный способ для формального подхода столкнуться с противоречием, присущим всякому процессу развития, в том числе и развитию научного знания. В этой связи представляются особенно плодотворными для решения проблемы теоретического выражения нового в научном знании идеи отечественных философов и методологов науки, развитые ими на основе представлений о сложном диалектическом характере развития научного знания. Но анализ этих идей должен составить предмет самостоятельного исследования, так как является уже особой темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке / Г. Х. фон Вригт. — Вопросы философии, 1992, № 8. — С. 80 — 91.
2. Грязнов Б. С. Философские «парадигмы» Т. Куна / Б.С.Грязнов Логика — Рациональность — Творчество. — М.: Наука, 1982. — С.174 — 180.;
3. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун Структура научных революций: Пер. с англ./ Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 83.
4. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции / И. Лакатос. — В кн.: Т. Кун. Структура научных революций: Пер. с англ./Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 478.
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. — В кн.: Т. Кун Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 322.
6. Легостаев В. М. Философская интерпретация теории развития науки Томаса Куна / В.М. Легостаев. — Вопросы философии, 1972, № 11. — С. 129 — 136.
7. Пахомов Б. Я. Изменение картины мира как главное содержание научной революции / Б. Я Пахомов. — В кн.: Природа научного открытия. — М.: Наука, 1986. — С. 52.
8. Поликарпов А. П. По поводу концепции Т. Куна о развитии науки / А.П. Поликарпов. — Философские науки, 1976, №4. — С. 105 — 113. Шмаков В. С. Структура исторического знания и картина мира / В.С. Шмаков. — Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1990. — С. 187
9. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / К. Поппер. — М., 1983. — С. 50 — 51.
10. Поппер К. Нормальная наука и опасности связанные с ней / К. Поппер. — В кн.: Т. Кун. Структура научных революций: пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 525 — 537.
11. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский / К.Р. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 177.